ВОСПОМИНАНІЕ О ГРАФѢ А. И. ОСТЕРМАНѢ-ТОЛСТОМЪ.

У НАСЪ, къ сожалѣнію, слишкомъ мало еще извѣстно подробностей о жизни многихъ нашихъ государственныхъ и общественныхъ дѣятелей. У насъ даже нѣтъ подробныхъ жизнеописаній ни многихъ героевъ славной Отечественной войны, напр. Багратіона, Раевскаго, Остермана-Толстаго, Васильчикова и др. и даже самого Кутузова; ни многихъ знаменитыхъ адмираловъ, Чичагова, Ушакова, Сенявина, Лазарева и др., тогда какъ въ Англіи для одного флота существуетъ многотомное сочиненіе: Lives of the British Admirals, бывшее обычнымъ моимъ чтеніемъ въ походѣ кругомъ свѣта, и которое я началъ было переводить по порученію М. П. Лазарева. Все, что мы имѣемъ, это большею частію краткіе некрологи, извлекаемые преимущественно изъ послужныхъ списковъ и помѣщаемые вслѣдъ за извѣстіемъ о смерти значительнаго лица, а затѣмъ теряющіеся въ бросаемыхъ газетахъ и забываемые, да отрывочныя упоминанія въ реляціяхъ и нѣкоторыхъ сочиненіяхъ, относящихся къ другимъ предметамъ. Правда, появляются иногда нѣкоторыя преданія объ извѣстныхъ лицахъ, но большею частію перешедшія уже черезъ нѣсколько рукъ, а потому затемненныя, а нерѣдко и вполнѣ искаженныя.

Въ числѣ лицъ, о которыхъ весьма мало было говорено въ печати, нельзя также не назвать героя Кульма, графа Александра Ивановича Остермана-Толстаго; а между тѣмъ мужество, стойкость и распорядительность его подъ Кульмомъ, гдѣ ему оторвало руку, и гдѣ онъ спасъ отъ пораженія нашу армію, а Богемію отъ вторженія непріятеля и опустошенія, его заботы о нижнихъ чинахъ, откровенное всегда заявленіе своего мнѣнія, гордое отношеніе къ Аракчееву, предъ которымъ все раболѣпствовало, руководство побѣдами Ибрагима-Паши въ Сиріи и Малой Азіи, предполагавшееся назначеніе его командующимъ арміей на помощь грекамъ, самостоятельное мнѣніе

о Восточномъ вопросѣ и пр. показали, что относительно мужества, военнаго таланта и нравственнаго характера онъ далеко выдавался изъ ряда современныхъ ему государственныхъ дѣятелей.

Безспорно, что Остерманъ имѣлъ много странностей, даже чудачествъ, которыя давали поводъ противникамъ его вредить ему въ общественномъ мнѣніи (а противниковъ онъ имѣлъ много за свои неуклончивые отзывы), но это не должно вести къ непризнанію неоспоримыхъ его достоинствъ. Въ то время не легко было занять видное мѣсто по военной репутаціи среди тѣхъ талантовъ, которыхъ выдвинули войны съ Франціей, съ 1805 по 1814 годъ. Александръ Ивановичъ Толстой получилъ титулъ и майоратъ графа Остермана потому, что бездѣтный, послѣдній графъ Остерманъ, былъ женатъ на Толстой, Варварѣ Васильевнѣ, родной теткѣ моей мачихи, дочери Льва Васильевича Толстаго. Александръ Ивановичъ былъ женатъ на княжнѣ Елисаветѣ Алексѣевнѣ Голицыной, родной сестрѣ Марьи Алексѣевны, супруги графа Петра Александровича Толстаго, бывшаго посломъ во Франціи при Наполеонѣ I.

Я пользовался большимъ расположеніемъ со стороны Остермана, хотя, какъ видно изъ вышеизложеннаго, если онъ и былъ родственникъ моей мачихи, то собственно между мною и имъ никакого родства не было; но графъ не по родству и любилъ меня. Еще въ то время, когда я находился на службѣ въ Морскомъ корпусѣ преподавателемъ высшихъ математическихъ наукъ и астрономіи и вмѣстѣ съ тѣмъ и кадетскимъ офицеромъ, Остерманъ давалъ уже мнѣ многія важныя порученія, и посылалъ для переговоровъ съ важными лицами; а по возвращеніи моемъ изъ похода вокругъ свѣта онъ настоялъ, чтобъ я перешелъ жить въ его домъ, и далъ мнѣ лучшее въ немъ помѣщеніе, а именно комнаты находившейся въ отсутствіи супруги своей и воспитывавшейся у нея графини Ольги Сен-При [1]) (Saint Priest), бывшей потомъ за-мужемъ за княземъ Василіемъ Андреевичемъ Долгорукимъ, военнымъ министромъ и шефомъ жандармовъ.

Окна гостинной и кабинета моего помѣщенія выходили на Англійскую набережную и на Неву; изъ нихъ прямо были видны Румянцевская площадь и первая линія Васильевскаго острова, одна изъ огромнѣйшихъ улицъ Петербурга. Осенью когда зажигались фонари на улицахъ и на стоявшихъ на Невѣ противъ нашихъ оконъ судахъ,— видъ былъ великолѣпный. Въ гостинной и стѣны, и мебель были обиты голубымъ штофомъ, а въ кабинетѣ—зеленымъ. При толщинѣ стѣнъ дома, амбразуры оконъ были очень глубоки, и въ нихъ устроены были диваны. Окна были (что тогда составляло рѣдкость) цѣльныя, зеркальныя, богемскаго стекла (каждое стекло стоило 700 р. асс.), и представляли то удобство, что если изъ комнаты все было такъ отлично видно,

---

[1]) Подарокъ графини Ольги, съ собственноручной ея подписью, сохранился у меня до сихъ поръ: это книги, по которымъ мы вмѣстѣ учились по-англійски у одного и того же учителя.

какъ бы не существовало вовсе стекла, то съ улицы, днемъ, не было ничего видно, что дѣлается въ комнатѣ, потому что зеркальныя стекла отражали внѣшній видъ, закрывавшій собою видъ во внутренность комнаты. Остерманъ былъ всегда такъ деликатенъ, что никогда не входилъ въ занимаемыя мною комнаты, не спросивъ предварительно изъ за портьеры, можно ли войти и не помѣшаетъ ли онъ моимъ занятіямъ? Когда же Остерманъ уѣхалъ въ Ильинское (купленное въ послѣднее время для императрицы) и затѣмъ въ Москву, а я собирался въ отпускъ, то для слѣдующаго года, въ который ожидали возвращенія графини въ Петербургъ, Остерманъ отвелъ мнѣ, Валеріану и Леониду Голицынымъ цѣлый флигель, въ которомъ у насъ гостинная и зала были общія, а кабинеты, спальни, прихожія и входы были у каждаго особые; кромѣ того до самаго моего отъѣзда были въ распоряженіи моемъ столъ и одинъ изъ экипажей.

Остерманъ требовалъ, чтобъ я и въ Москвѣ остановился у него, въ его домѣ, проданномъ потомъ подъ семинарію, а когда я не могъ этого сдѣлать, будучи обязанъ остановиться у родныхъ, то все же долженъ былъ всякій день, хоть не на долго, бывать у него, и онъ самъ возилъ меня знакомить съ нѣкоторыми важными лицами, съ которыми я не былъ еще знакомъ: съ кн. Сергѣемъ Михайловичемъ Голицынымъ (съ Дмитріемъ Владиміровичемъ, главнокомандующимъ въ Москвѣ, я былъ знакомъ еще въ Петербургѣ, по дому Васильчиковыхъ), съ гр. Евгеніемъ Ивановичемъ Марковымъ, бывшимъ посланникомъ въ Парижѣ, Ив. Ив. Дмитріевымъ, извѣстнымъ писателемъ, министромъ юстиціи и др.

Домъ гр. Остермана въ Петербургѣ, на Англійской набережной, былъ отдѣланъ едва ли не великолѣпнѣе тогда всѣхъ зданій столицы. Отдѣлка одной „бѣлой“ залы стоила 46,000 рублей. Надо сказать, что Остерманъ въ императорѣ Александрѣ I чтилъ не только государя, но и полководца, и что бѣлая зала, гдѣ стояла статуя императора, была скорѣе похожа на храмъ, чѣмъ на комнату. Она была въ два свѣта, занимая по высотѣ второй и третій этажи, и сами по себѣ очень высокіе, и выходила окнами также на Англійскую набережную на Неву. Въ глухихъ боковыхъ стѣнахъ, съ одной стороны въ нишѣ стояла статуя во весь ростъ (работы Кановы) императора Александра I, предъ которою ставились двѣ курильницы въ видѣ большихъ вазъ. Въ четырехъ углахъ залы стояли на высокихъ пьедесталахъ бюсты Петра I (какъ полководца), Румянцева, Суворова и Кутузова. Стѣны были отдѣланы подъ бѣлый мраморъ съ золотою арматурою; полъ былъ ясеневый, съ огромнымъ лавровымъ вѣнкомъ; зала освѣщалась большими люстрами. На сторонѣ, противоположной статуѣ императора, помѣщались хоры для музыки и пѣвчихъ, и огромный каминъ. Хоры закрыты были двумя транспарантными картинами, изображавшими два главные, рѣшительные момента войнъ Россіи съ Наполеономъ: Лейпцигское сраженіе и входъ союзниковъ въ Парижъ.

На огромной мраморной плитѣ у камина стояли: фарфоровая ваза, севрской мануфактуры, съ изображеніемъ Кульмскаго сраженія, подаренная Остерману императоромъ Александромъ, и золотой кубокъ, осыпанный дорогими каменьями, поднесенный побѣдителю при Кульмѣ богемскими и венгерскими (имѣвшими владѣнія въ Богеміи) магнатами, имѣнія которыхъ были спасены отъ разграбленія побѣдою при Кульмѣ. (Эти же самые магнаты присылали потомъ графу ежегодно лучшій рейнвейнъ и венгерскія вина). Мраморную плиту поддерживали двѣ статуи (съ портретными лицами), изображавшія тѣхъ двухъ гренадеровъ Павловскаго полка, которые поддержали и унесли изъ боя Остермана, когда ему оторвало руку. Они получали отъ него пенсію.

Постройка и отдѣлка бальной залы, въ которой Остерманъ давалъ для обновленія залы балъ въ честь вел. кн. Елены Павловны, стоила 200 тыс. руб. асс. Всѣ другія комнаты отдѣланы были также великолѣпно, а иныя и своеобразно; такъ въ одной комнатѣ стѣны были обложены распиленными бревнами, что давало ей видъ русской избы. Въ одной изъ комнатъ стояла, работы Кановы же, статуя супруги графа, въ сидячемъ положеніи, а въ другой, того же художника, надгробный памятникъ Остерману, самимъ имъ себѣ заготовленный, на которомъ онъ изображенъ лежащимъ, опираясь рукою на барабанъ, какъ и происходило это при операціи; возлѣ лежала оторванная рука, а въ барабанъ были вдѣланы часы, на которыхъ стрѣлки означали время полученія тяжелой раны, и была надпись латинская: Vidit horam; nescit horam! (Видитъ часъ, но не знаетъ часъ, т. е. того часа, въ который человѣка постигнетъ извѣстная участь [1]).

У Остермана обѣдъ былъ всегда въ три часа, и въ будніе дни обыкновенно на 30 человѣкъ; съ ударомъ трехъ часовъ подъѣздъ запирался, и уже не принимали никого, кто бы ни пріѣхалъ. Въ воскресенье столъ былъ на 60 человѣкъ, съ музыкой и пѣвчими, которые были свои; обѣдали не только въ полной формѣ, но и шляпы должны были держать на колѣняхъ. Ежедневно обѣдалъ храбрый артиллерійскій генералъ Костенецкій, защищавшій, какъ извѣстно, противъ непріятеля свою баттарею банниками, и подававшій проэктъ, чтобъ банники были желѣзные, а то деревянныхъ онъ много переломалъ на французахъ. За Костенецкимъ всегда посылали экипажъ, но онъ отклонялъ его, и приходилъ пѣшкомъ, какая бы ни была погода, а всетаки на другой день опять посылался къ нему экипажъ.

Послѣ обѣда большая часть гостей приходили обыкновенно ко мнѣ въ комнату покурить и поболтать; но нерѣдко игралъ кто нибудь на фортепіано и пѣлъ (чаще всѣхъ пѣлъ французскія шансонетки Ив. Мат. Толстой); если же бывали дамы, то и танцовали; особенно охот-

[1]) Помѣщенное нѣкогда въ „Русскомъ Вѣстникѣ“ описаніе Лажечниковымъ дома Остермана, не во всѣхъ отношеніяхъ вѣрно, что я и замѣтилъ ему при нашемъ свиданіи въ Москвѣ.

никъ былъ затѣвать послѣобѣденные танцы датскій посланникъ Блюмъ, бывавшій у насъ весьма часто. Если бывали дамы, да и вообще почти всегда, хозяйничали въ отсутствіи графини и принимали дамъ, или Софья Петровна Апраксина, урожденная графиня Толстая, родная племянница графини Остерманъ по матери, или маркиза Вильруа, пріѣзжавшая всегда съ воспитывавшеюся у ней дѣвицей Аничковой, братъ которой, генералъ Аничковъ, бывшій адъютантъ Паскевича, долго проживалъ впослѣдствіи въ Читѣ, что обновило въ памяти моей многія воспоминанія давней эпохи. Нерѣдко бывалъ у насъ кн. Александръ Николаевичъ Салтыковъ съ двумя дочерьми, на одной изъ которыхъ (вышедшей впослѣдствіи кажется за графа Потоцкаго), Остерманъ имѣлъ въ виду женить наслѣдника своего титула и майората, Валеріана Голицына, дѣйствительно ихъ и получившаго для сына своего, не смотря на ссылку свою въ Сибирь въ промежутокъ. Часто бывалъ и голландскій посланникъ Бюсси, большой охотникъ удить рыбу; Остерманъ очень любилъ его, и на одной изъ половинокъ дверей кабинета Остермана нарисованъ былъ карандашомъ Бюсси, занимающійся его любимымъ занятіемъ.

Остерманъ очень любилъ общество молодежи; его обычный кругъ составляли кромѣ меня, Голицыны, Валеріанъ и Леонидъ (старшій ихъ братъ, Александръ, бывалъ рѣже), Иванъ Матвѣевичъ Толстой, очень дружный со мною, никогда пезабывавшій, когда даже былъ главноуправляющимъ уже почтовою частію, посылать мнѣ поклоны и въ Сибирь, при всякомъ удобномъ случаѣ; часто Опочининъ и Ѳедоръ Ивановичъ Тютчевъ (поэтъ, когда пріѣзжалъ изъ Мюнхена); весьма часто гр. Алексѣй Петровичъ Толстой, также очень дружный со мною. Присутствіемъ своимъ Остерманъ никогда не стѣснялъ оживленныхъ разговоровъ молодыхъ людей, и не воспрещалъ толковать о высшихъ и политическихъ дѣлахъ. Одному высокому сановнику, любившему проводить время съ актрисами, за кулисами въ театрѣ, Остерманъ на вопросъ его, отчего это нынѣ прапорщики пустились заниматься государственными дѣлами, очень рѣзко отвѣчалъ: „понятно отчего! отъ того, что государственные люди не занимаются государственными дѣлами, а занимаются дѣлами приличными только прапорщикамъ“.

Остерманъ имѣлъ постоянно въ театрѣ ложу и кресло, но, на сколько помню, самъ въ театрѣ въ Петербургѣ не бывалъ, а предоставлялъ ложу дамамъ, а кресла намъ, молодымъ людямъ, жившимъ въ его домѣ; сверхъ того, въ моемъ спеціальномъ распоряженіи были библіотека, выписка и полученіе книгъ, журналовъ и газетъ, получавшихся графомъ безъ цензуры.

Остерманъ имѣлъ обычное для того времени свѣтское образованіе, но былъ мало ученъ, и сознавая это, всегда серьезно старался, не смотря на лѣта и званіе свое, научиться всему, чему можно было еще.—„Я, cher Dmitry, говаривалъ онъ мнѣ часто, простой солдатъ,

и мало имѣлъ времени учиться, но всегда желалъ много и серьезно учиться. Ты меня учи, пожалуйста, и если въ разговорахъ моихъ замѣтишь или въ фактахъ, или въ сужденіяхъ явныя ошибки, то не церемонься со мною, прошу тебя, а прямо останавливай и поправляй. Я не стыжусь невольнаго незнанія, но не хочу быть вольнымъ невѣждой. „Онъ желалъ у меня учиться даже астрономіи и географіи (въ новомъ ея видѣ), и для этого купилъ въ англійскомъ магазинѣ два большіе, дорого стоющіе глобуса. Случалось, что онъ приглашалъ молодыхъ литераторовъ читать у него ненапечатанныя еще ихъ произведенія.

Въ очень позднихъ уже лѣтахъ Остерманъ, по одному обстоятельству, о которомъ разскажу ниже, началъ заниматься Греческимъ языкомъ, и достигъ замѣчательнаго успѣха. Онъ очень внимательно слѣдилъ за европейскою политикой и не жаловалъ Австрію. Въ числѣ частыхъ посѣтителей у насъ былъ князь Шварценбергъ, кажется тотъ, что былъ впослѣдствіи первымъ министромъ Австріи, объявившій, что онъ удивитъ міръ неблагодарностію къ Россіи (послѣ Венгерской кампаніи), а тогда извѣстный пока въ Петербургскомъ обществѣ тѣмъ, что ввелъ въ танцы галопъ, а еще больше дерзкимъ обращеніемъ съ дамами и заносчивостію. Графиня почему-то любила Шварценберга, но графъ очень его не долюбливалъ, и очень всегда радовался, когда его молодые люди схватывались бывало въ его присутствіи съ Шварценбергомъ и нападали на Австрію, а тотъ разумѣется защищалъ ее, и доказывалъ, что русскіе ничего не разумѣютъ въ высшей политикѣ и должны руководиться Австріею, которая одна будто бы спасла не только Европу, но и Россію, такъ какъ послѣдняя неминуемо погибла бы въ 1812 году, если бы Австрія втайнѣ не противодѣйствовала Наполеону. Разумѣется мы хохотали надъ этимъ, Шварценбергъ бѣсился, но Остерманъ всегда держалъ нашу сторону. Онъ былъ въ очень дружескихъ сношеніяхъ съ бывшимъ нашимъ посланникомъ въ Константинополѣ Рибопьеромъ и хорошо зналъ ходъ политики по Восточному вопросу, желалъ полной независимости Греціи и Египта, и присоединенія Молдавіи и Валахіи [1]), но крайней мѣрѣ первой, къ Россіи (вопреки Австріи, всегда тому мѣшавшей), и не понималъ и не признавалъ ни вассальныхъ владѣній, ни протектората.

Имѣя огромный майоратъ (въ томъ числѣ превосходное подмосковное имѣніе Ильинское и великолѣпные дома въ Петербургѣ и Москвѣ), огромное движимое имущество, въ золотыхъ и серебряныхъ издѣліяхъ, въ драгоцѣнныхъ камняхъ, рѣдкомъ фарфорѣ и проч., Остерманъ былъ разумѣется очень богатъ, но дѣлая много для Павловскаго полка (особенно много было у него на пенсіи вдовъ и си-

[1]) Онъ не признавалъ особой національности румынъ, говорилъ, что она искусственная; впрочемъ она тогда не имѣла литературы; языкъ образованныхъ былъ греческій.

ротъ), онъ въ то же время требовалъ, чтобъ изъ полка присылались ему на денщиковъ, и обмундировка, и даже провіантъ, на что указывали какъ на причуду. Людей содержалъ онъ очень хорошо, и какъ начальникъ, какъ корпусный командиръ, особенно заботился о нижнихъ чинахъ, а на войнѣ не входилъ, говорили, никогда въ свою палатку или другое помѣщеніе, прежде чѣмъ удостовѣрится, что солдаты накормлены и устроены на столько спокойно, на сколько то позволяли обстоятельства.

Къ числу причудъ его или странностей относилось еще и то, что у него въ обѣденной залѣ находились живые орлы и выдрессированные медвѣди, стоявшіе во время стола съ алебардами. Разсердившись однажды на чиновничество и дворянство одной губерніи, онъ одѣлъ медвѣдей въ мундиры той губерніи.

Въ жизни Остерманъ былъ очень простъ и воздержанъ; зимой ѣздилъ всегда въ открытыхъ пошевняхъ, лѣтомъ въ коляскѣ, закрытыхъ экипажей не любилъ.

Остерманъ пользовался большимъ уваженіемъ государи и вдовствующей императрицы, которая при прогулкахъ ея внучатъ, приказывала нерѣдко заводить ихъ къ Остерману: особенно часто приводили великую княжну Марію Николаевну, которая, не видя у Остермана одной руки, все доискивалась, куда онъ спряталъ ее. Остерманъ между высшими лицами держалъ себя всегда самостоятельно и не любилъ шарлатановъ, какой бы высокій постъ они ни занимали. Онъ не любилъ и выскочекъ, и не принималъ ихъ у себя, хотя по характеру вовсе не имѣлъ аристократической надменности.

Графиня была женщина постоянно больная, и въ послѣднее время страдала продолжительною водяною болѣзнію. Бракъ былъ бездѣтенъ, но говорили, что за границею Остерманъ имѣлъ связь съ какою-то италіанкою, отъ которой имѣлъ будто бы дѣтей. Но все это онъ тщательно скрывалъ не только отъ графини, чтобъ не оскорбить ее, но и отъ всѣхъ насъ, исключая Ѳ. И. Тютчева, котораго онъ употреблялъ, какъ думали, для сношеній съ итальянкой. Говорили (что я узналъ уже впослѣдствіи), что послѣ 1825 года, пріѣхавши съ этою италіанкою въ Парижъ, когда и графиня была тамъ, онъ жилъ въ Парижѣ подъ чужимъ именемъ и не показывался графинѣ, а писалъ ей письма будто бы изъ Италіи. Впрочемъ, все это доходило до меня въ Сибирь только ужъ по слухамъ.

Выше было сказано, что Остерманъ въ позднихъ лѣтахъ началъ учиться по гречески. Поводомъ къ этому было то обстоятельство, что было основаніе предполагать, что въ случаѣ если Россія рѣшится оказать дѣятельное пособіе грекамъ, Остерманъ получитъ главное начальство надъ предназначеннымъ къ тому войскомъ. Онъ взялъ себѣ адъютанта изъ грековъ и сталъ приглашать къ себѣ извѣстныхъ фанаріотовъ. А какъ онъ объявилъ, что въ случаѣ если предпріятіе состоится, онъ намѣренъ непремѣнно взять меня съ собою, то началъ

и я учиться по ново-гречески, и у меня до сихъ поръ сохранились лексиконы и грамматики этого языка, употреблявшіеся въ то время. Посѣщавшіе графа греки всѣ бывало заходили и ко мнѣ на половину; главнымъ учителемъ моимъ по ново-гречески былъ Мано, бывшій впослѣдствіи министромъ кажется въ Молдавіи или Валахіи; другіе нерѣдко занимались со мною чтеніемъ классиковъ древняго Греческаго языка. Я еще и теперь помню наизусть такъ называемую „Военную пѣснь грековъ“ соч. Ригаса, которую распѣвали тогда всѣ петербургскіе греки. Остерманъ приходилъ поутру въ мою комнату и мы съ часъ занимались ново-греческимъ языкомъ, грамматически и письменно, а за обѣдомъ и послѣ обѣда упражнялись въ разговорахъ съ греками, если кто бывалъ приглашенъ къ обѣду, причемъ разумѣется не обходилось безъ смѣху, но всетаки дѣло мало-по-малу подвигалось. Не знаю, занимался ли Остерманъ Греческимъ языкомъ послѣ меня, тѣмъ болѣе, что предположенія о его назначеніи измѣнились, но по имѣвшимся у меня позднѣйшимъ свѣдѣніямъ знаніе этого языка оказалось ему полезнымъ во время странствованія его въ Палестинѣ и пребыванія въ главной квартирѣ Ибрагима-паши, котораго онъ именно, по общему убѣжденію, и руководилъ въ побѣдахъ его надъ султанскими полководцами.

Остерманъ былъ очень огорченъ участью, постигшею его племянниковъ и меня. Для старшаго племянника, Александра Голицына, онъ испросилъ прощеніе, но для Валеріана не могъ того добиться, что и было кажется причиною неудовольствія, вслѣдствіе котораго онъ удалился за границу и не возвращался болѣе, а проживалъ въ Швейцаріи, Франціи и Италіи, и странствовалъ въ Сиріи и Малой Азіи. Не смотря однако же на это отсутствіе, онъ получилъ (кажется при открытіи Бородинскаго памятника) орденъ Андрея Первозваннаго, въ память заслугъ въ Отечественную войну и побѣды подъ Кульмомъ; орденъ же Георгія 2-й степени онъ имѣлъ уже за эту самую побѣду.

Дмитрій Завалишинъ.